

№
Riadowoy. Liberale Programmen.
Prix: 20 cent. — 15 pf. — 2 d. — 5 sts.

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

335.5K198
p. 98

Рядовой

ЛИБЕРАЛЬНЫЯ ПРОГРАММЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Рядовой. Либеральныя программы.
- II. Галерка. Семейный споръ.

№ 10.

Издательство социальдемократической партийной литературы
В. Бокъ-Бруевича и Н. Лемма.

ЖЕНЕВА

Кооперативная типографія, 93, Rue de Carouge 93.
1904.

342491

Либеральныя программы.

Политическая жизнь имѣетъ свою осень и свою весну, свою ясную погоду и свое ненастье, свои затишья и свои бури и грозы. Ея барометромъ служить, согласно старой истрепанной фразѣ, „общественное мнѣніе“; термометръ для нея имѣется въ видѣ статистики политическихъ собраній и демонстрацій — въ свободныхъ странахъ, и въ видѣ статистики политическихъ преступленій — въ несвободныхъ. Есть у нея и свои флюгера — инструментъ мало почтенный, но тѣмъ не менѣе полезный. Надо же знать и направленіе вѣтра!

Лѣтомъ 1902-го года за-границей началъ издаваться органъ русскихъ либераловъ — „Освобожденіе“. Съ самаго начала этотъ органъ ясно формулировалъ и подчеркнул свое флюгерное назначеніе, заявивши, что никакой опредѣленной практической программы самъ онъ давать и проводить не будетъ, а будетъ принимать ее отъ практическихъ дѣятелей, ведущихъ оппозицію нынѣшнему строю въ Россіи, — само собою разумѣется, только не отъ революціонныхъ дѣятелей („мы не революціонеры“, заявляла редакція въ № 1).

Надо признать, что редакція какъ нельзя болѣе подходила къ назначенію органа. П. Струве, очень

почтенный теоретикъ и публицистъ, приобрѣлъ уже раньше большой опытъ въ вопросахъ политической погоды. Когда началось выступленіе русскаго пролетаріата на политическую арену, при глубокомъ политическомъ затишьѣ въ другихъ общественныхъ группахъ, г. Струве указывалъ въ сторону марксизма. При этомъ, начавши съ „марксизма“ сравнительно буржуазнаго, онъ замѣтно поворачивалъ налѣво, по мѣрѣ того какъ революціонная роль пролетаріата выяснялась все рѣшительнѣе, а его органи ація развивалась все дальше. Затѣмъ въ политическомъ развитіи пролетаріата произошла заминка, скорѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, потому что движеніе, теряя въ глубинѣ, тѣмъ сильнѣе распространялось въ ширь: то былъ періодъ экономизма. — Но флюгеру не добраться до сути вещей, онъ имѣетъ дѣло съ внѣшностью: и она привела его въ большое затрудненіе. Старый вѣтеръ стихалъ, новый не намѣчался съ опредѣленностью; куда повернуться? Ни направо, ни налѣво, самое лучше вверхъ! Обыкновенному жестаному флюгеру этого не сдѣлать, но нашъ представляетъ исключеніе: онъ сталъ указывать къ небесамъ, въ область метафизики, философскаго идеализма. Такъ какъ и правая и лѣвая сторона не стали тогда для него равноцѣнны, а раньше онъ слишкомъ сильно отклонился влѣво, то естественно, что онъ сталъ поворачивать вправо, тѣмъ болѣе, что оттуда уже стало чувствоваться нѣкоторое движеніе воздуха....

Постепенно усиливаясь, это движеніе охватило довольно широкіе круги буржуазной интеллигенціи, просвѣщенной буржуазіи и культурнаго дворянства. Студенческіе беспорядки расшевелили общественное мнѣніе, земцы начали осторожно развязывать свои языки, само правительство колебалось между тактикой лукавства Витте и тактикой насилія Плеве. Пролетаріатъ пока еще неувѣренно вступалъ въ политическую борьбу; казалось возможнымъ, что въ

этой борьбѣ онъ пойдетъ на поводу у буржуазныхъ группъ, тѣмъ болѣе, что разгорѣвшаяся борьба отвлекла часть цѣнныхъ революціонныхъ силъ отъ работы въ массахъ и съ массами — въ сторону террора. Въ такое время выступило „Освобожденіе“ со своей *первой* программой.

Эта программа ясно отразила *новыя* вѣянія. Она пыталась объединить буржуазныхъ дѣтей съ буржуазными отцами: отъ „отцовъ“ г. Струве требовалъ гражданскаго мужества, которое до сихъ поръ было удѣломъ однихъ „дѣтей“, „дѣтямъ“ онъ предлагалъ отстаивать требованія, которыя не показались бы чрезмѣрными ихъ „отцамъ“. То была программа самаго умѣреннаго цѣнзоваго либерализма: предлагалось „учредительное собраніе“ изъ земцевъ и думцевъ, т. е. представителей помѣщиковъ и кушцовъ, усиленное, впрочемъ, ихъ же ставленниками „изъ всего русскаго общества“; это собраніе должно было выработать „кочституцію“; можно себѣ представить, какова бы она была!

Программа № 1 была *болѣе*, чѣмъ „умѣренна“: она весьма ясно указывала на необходимость борьбы не только противъ самодержавія (врагъ справа), но и противъ революціонеровъ (врагъ слѣва); она не говорила это прямо, но не стѣсняясь сопоставляла, какъ одинаково противоположныя конституціоннымъ стремленіямъ, „правительственную реакцію“ съ „революціонною борьбою“... Напечатанное въ программномъ № 1 мѣ „Открытое письмо группы земцевъ“ проводило ту-же мысль гораздо откровеннѣе, призывая „содѣйствовать, насколько хватитъ нашихъ силъ и нашего умѣнья, устраненію правительственной и народной анархіи“, и съ ужасомъ вспоминая о той „общей почвѣ классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, которая вздымается подобно угрожающему вулкану“ и т. д.

Первые десятка полтора номеровъ „Освобожденія“ приблизительно соответствуютъ духу программы

№1, не только по идейному содержанию — буржуазно-дворянскій либерализм, — но и по выбору матеріала для освѣщенія дѣйствительности — большею частью „интересныя“ новости изъ бюроератическаго, земскаго и даже придворнаго міра, вплоть до сообщеній о нездоровьѣ императрицы и разногласіяхъ императора („Государя“, какъ пишетъ „Освоб.“) съ его наслѣдникомъ. Тутъ есть и призывы къ дворянству, чтобы оно вышло изъ своей политической апатіи и старалось черезъ свои дворянскія собранія завоевать себѣ „серьезныя политическія права“ (№ 3, стр. 34), и грустныя размышленія о томъ, что „Государь хочетъ знать всю правду“, да губернаторы и министры ея къ нему не пропускаютъ (№ 8, стр. 125), и радость по поводу переговоровъ Плеве съ Шиповымъ, означающихъ „желаніе самодержавной бюрократіи заключить своего рода договоръ съ земствомъ, которое она до сихъ поръ только давила“ (№ 7, стр. 99), и милыя разсужденія о томъ, что „лучше сверху, чѣмъ снизу“, что это „въ интересахъ не только дѣла преобразования, но и самого правительства“ (№ 7, ст. Редактора) и т. д. и т. д.

Но политическая погода мѣнялась. Буржуазія и земцы очень скоро достигли границъ своей оппозиціи, послѣ чего, естественно, обратились вспять: для этого достаточно было самыхъ „умѣренныхъ“ репрессій со стороны правительства; революціонный фейерверкъ соц.-революціонеровъ началъ блѣднѣть; пролетаріатъ все рѣшительнѣе и увѣреннѣе проявлялъ *самостоятельныя* политическія стремленія; Ростовскія событія конца 1902 года намѣтили новую тактику массовой прол. борьбы; соц.-демократія, потерявши большое количество неопредѣленной, политически-безхарактерной интеллигенціи, перешедшей къ либераламъ и соц.-революціонерамъ, въ конечномъ счетѣ только выиграла въ своей цѣльности и однородности, въ идейной связи и практической сплоченности. Вѣтеръ дулъ безусловно слѣва; и „Осво-

божденіе“ вполне добросовѣстно, какъ и подобаетъ честному флюгеру, отмѣтило этотъ фактъ своимъ поворотомъ къ новой, по счету второй программѣ (№ 17, конецъ февраля 1903 года).

Новыя нотки въ либеральной пѣснѣ стали замѣчаться уже раньше рѣшительнаго поворота: „Освобожденіе“ явно измѣняло свое отношеніе къ революціонерамъ. Если еще въ № 5 оно говорило, что „красныя знамена и даже ростъ революціонной партіи только симптомы, только предупрежденія правительству, во власти котораго воспользоваться ими“... (ст. Л. Э.), то уже въ № 7 редакціонная статья признавала за революціонными элементами огромную роль и — „скажемъ не обинуясь“ (слова статьи) — великую заслугу, при чемъ находила, что „въ дѣлѣ національнаго освобожденія ни революціонныя, ни умѣренная и мирная оппозиція не могутъ обойтись одна безъ другой“. Въ № 10-мъ редакція даже дѣлаетъ г. Евреинову строгій выговоръ за то, что онъ въ простотѣ душевной обозвалъ революціонеровъ „разнузданной кучкой анархистовъ“. Правда, въ томъ же номерѣ редакція предлагаетъ земскимъ дѣятелямъ „столкнуть лбами“ Плеве и Витте, и тѣмъ „содѣйствовать тому, чтобы начавшійся поединокъ между министрами не свелся на пустяки“. Но зато уже въ 12-мъ номерѣ г. Струве покидаетъ эту „министерскую“ точку зрѣнія и не безъ наивности спрашиваетъ: „Развѣ имѣетъ какое-нибудь значеніе то, что Сергѣй Юльевичъ повздорилъ съ Вячеславомъ Константиновичемъ?“ Правда, въ томъ же 12-мъ номерѣ „Голосъ изъ земства“ находитъ, что „въ мало замѣтной, тяжелой и суровой работѣ земскаго труженника, согрѣтаго патріотической любовью къ своему дѣлу... не меньше силы и красоты..., чѣмъ въ яркой роли политическаго мученика“. Но зато уже въ № 13 выясняется, что „Ростовская стачка не можетъ не быть признана крупнымъ явленіемъ нашей общественной жизни, знаменующимъ огромный ростъ рус-

скаго рабочаго движенія“, и безъ огорченія, а скорѣе даже съ сочувствіемъ констатируется: „Но какъ выросли съ 1885 по 1902 годъ русская стачка и русская соц.-демократія!“

15 № „Освоб.“ уже предлагаетъ русскому либерализму стать „демократическимъ теченіемъ съ широкимъ размахомъ“; но такъ какъ при этомъ объясняется, что и въ земскомъ движеніи редація видитъ „лишь одно, своеобразное и цѣнное, теченіе нарождающейся русской демократіи“, то мысль становится совершенно невнятной, ибо если уже и земство — демократія, то что же тогда не демократія?

Наконецъ, вѣтеръ установился. „Партія должна быть открыто и рѣшительно демократической“ (№ 17, стр. 291) „Для того чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ-интеллигентъ, представитель „третьяго элемента“, и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія, партія должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности, и потому въ ея программѣ необходимо ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ; такое заявленіе должно, на нашъ взглядъ, замѣнить собою соотвѣтствующія разсужденія программы конституціоналистовъ объ учредительномъ собраніи. За время существованія „Освобожденія“ мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ, въ справедливости котораго мы по существу никогда не сомнѣвались, соотвѣтствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ безусловной русской интеллигенціи, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за освобожденіе Россіи“ (тамъ же).

Принять программу, это, съ либерально-политической точки зрѣнія, далеко еще не значитъ — бороться за нее. Читатель напрасно сталъ бы искать на страницахъ „Освобожденія“ статей, посвященныхъ борьбѣ съ либеральными предубѣжденіями противъ всеобщей подачи голосовъ, статей, посвя-

ценныхъ защитѣ, развитію и обоснованію строгаго демократизма. Демократическія требованія приняты въ программу не для того, чтобы проводить ихъ въ жизнь, а для того, чтобы привлечь симпатіи мелкаго разночинца-интеллигента и сознательнаго крестьянина, а главное—активную поддержку партіи пролетаріата. Органъ политической погоды дѣлаетъ уже много, если завтра не отрывается отъ сегодняшней программы.

И „Освобожденіе“ долго не отрекалось, почти полтора года. Правда, то было время бурной погоды. Рабочій классъ проявилъ небывалый подъемъ политической энергіи; лѣтомъ 1903 года весь югъ былъ охваченъ пламенемъ борьбы; социалъдемократія переходила отъ кружковой организаціи къ партійной, и переходъ этотъ, казалось, былъ завершенъ ея вторымъ съѣздомъ. Всѣ другія оппозиціонныя силы поблѣднѣли и отступили на второй планъ передъ стремительнымъ ростомъ партіи пролетаріата. „Освобожденію“ не было никакихъ основаній мѣнять фронтъ: сила была слѣва.

„Освобожденіе“ начинаетъ тогда наполняться сочувственными корреспонденціями о пролетарской борьбѣ, вопросы придворной политики и соображенія о возможныхъ перемѣнахъ въ направленіи того или другого министерства ступаютъ, хотя, конечно, не исчезаютъ окончательно со страницъ газеты. Выражается готовность вступить даже въ настоящій союзъ съ соц.-демократіей:

„Русскому либерализму не поздно еще занять правильную политическую позицію — не противъ социальной демократіи, а рядомъ и въ союзъ съ нею“ (№ 25, ст. П. С.).

Статьи особенно умѣреннаго либеральнаго направленія печатаются уже съ оговорками о томъ, что редакція съ ними не согласна, но все же ихъ печатаютъ, потому что гдѣ же имъ найти мѣсто, кромѣ „Освобожденія“?

По вопросу объ аграрной программѣ проговѣдывается что-то очень мало понятное, но совсѣмъ не подходящее въ дворянско-либеральнымъ идеямъ; чувствуется даже, какъ будто, вліяніе аграрной программы соціалдемократовъ:

„*Политическое освобожденіе Россіи должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и доверіемъ дѣла освобожденія крестьянъ, основаннаго на принципѣ признанія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю, хотя этотъ принципъ осуществился въ 1861 г. въ совершенно искаженномъ видѣ*“ (№ 33, „въ аграрному вопросу,“ ст. г. Л.). „На первую очередь долженъ стать вопросъ о демократизаціи земельной собственности, о болѣе справедливомъ и экономически болѣе рациональномъ распредѣленіи земли“ (тамъ же, немного выше)

Внимательно прислушиваясь отнынѣ ко всему, что происходитъ среди соц-демократіи, „Освобожденіе“ при случаѣ пытается испльзовать въ своихъ интересахъ ея внутреннія разногласія: оно подхватываетъ невнятные, на видъ оппортунистическія фразы Плеханова въ его статьѣ „Чего не дѣлать?“, оно выражаетъ свое сочувствіе правому крылу соц-демократовъ, и даже какъ будто огорченіе по поводу междоусобій „большинства“ и „меньшинства“ партіи.

Здѣсь же „Освобожденіе“ находитъ и точку опоры для новаго своего поворота. Видя, какъ междоусобія, все болѣе разгораясь, ослабляютъ соц.-демократію, какъ небольшая группа вождей своимъ вліяніемъ уничтожаетъ шагъ за шагомъ то, что сдѣлано общепартійнымъ съѣздомъ, и открыто издѣвается надъ его волей, „Освобожденіе“ начинаетъ понемногу задумываться, не пора ли немножко перемѣнить позицію, и зорко смотритъ по сторонамъ — не поднимается ли откуда-нибудь новый вѣтеръ. Въ это время начинается русско-японская война.

Ага! рѣшаетъ опытный наблюдатель погоды, теперь надо ождать перемѣны въ милитаризму и

патріотизму. — И онъ съ увѣренностью пускаетъ въ ходъ двусмысленныя фразы насчетъ либеральнаго объединенія лозунговъ „Да здравствуетъ армія!“, „Да здравствуетъ Россія!“, „Да здравствуетъ свобода!“, со смѣлостью аристофановскаго софиста, онъ обосновываетъ свое предложеніе той геніальной мыслью, что армія есть вооруженный народъ, не болѣе. — Но тутъ сорвалось. Оказалось, что какъ ни плохи наши либералы и демократы, но они не совсѣмъ еще забыли роль „вооруженнаго народа“ въ подавленіи народной свободы; оказалось, что милитаристически-патріотически-либеральнымъ лозунгомъ ихъ, вообще говоря, уже не прельстишь.

Оказалось это, впрочемъ, не сразу, а сначала произошла большая путаница, такъ что для выясненія погоды „Освобожденію“ пришлось ъ отвести цѣлый отдѣлъ, гдѣ предлагалось высказываться о войнѣ всѣмъ, въ комъ есть хоть капля либерализма. Когда выяснилось, что всѣ хорошіе паріоты — очень плохіе либералы, и всѣ хорошіе либералы — очень плохіе паріоты, то г. Сіруне посмѣшилъ взять обратно свой н-удачу пущенный лозунгъ. Чувствуя нѣкоторую неловкость по поводу этого, слишкомъ ужъ быстро отступленія, нашъ политикъ постарался прикрыть его надежащими фразами, но въ замѣшательствѣ выбравъ ихъ такъ плохо, что обнаружилъ въ нихъ по истинѣ сверхъ-оппортунистическую психологію:

„Почему вы и многіе другіе отвергаете крикъ: „Да здравствуетъ армія!“ — это я очень хорошо понимаю. Я не буду, да и, повидимому, нѣтъ уже никакого смысла отстаивать этотъ лозунгъ, ибо *патріотическія манифестаціи запрещены уже самимъ правительствомъ* (такъ что негдѣ кричать. Достаточное основаніе! Ряд.). Но заключенную въ предложенномъ мною лозунгѣ мысль я считаю вѣрной и важной, и отъ нея я не могу отказаться“ (№ 43, ст. П. С.).

Во всемъ этомъ такъ мало даже либерализма, а новый вѣтеръ въ тоже время такъ мало еще опредѣлился, что въ слѣдующемъ же № редація находить нужнымъ подтвердить вновь свою вѣрность второй своей программѣ:

„Свобода, какъ искренній (? Ряд.) и универсальный принципъ политики, есть непремѣнно свобода всѣхъ, а не только нѣкоторыхъ. Демократическій принципъ есть логическое и нравственное послѣдствіе либеральной программы, и какъ бы ни были неясны отдаленныя перспективы демократіи, мы должны сказать: мы принимаемъ послѣдствія вмѣстѣ съ основаніемъ“ (№ 44. „Полит. либер. парт.“)

Однако, печальное состояніе соц.-демократич. партіи не подлежитъ уже сомнѣнію, а его единственный разумный исходъ — общепартійное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ на новомъ съѣздѣ — отходить куда-то далеко, уступя мѣсто кружковымъ приемамъ улаживанья дѣлъ: „я тебѣ дамъ то, а ты мнѣ это, и не будемъ сердиться другъ на друга; а неуступчивыхъ попытаемся общими силами уничтожить“. Вліяніе партіи, ея престижъ въ обществѣ падаютъ; либералу нѣтъ надобности считаться съ ней попрежнему. Можно начинать новую пѣсню.

Рядъ террористическихъ фактовъ обѣщаетъ значительно усилить вліяніе соц.-революціонеровъ: что же! ихъ особенно бояться нечего, они народъ створчивый, особенно строгихъ требованій союзникамъ не посягаютъ, разъ ужъ даже такіе ихъ герои, какъ Гершуни, высказываются за союзъ *всей* оппозиціи. Да, демократизма можно и поубавить.

Въ „Освобожденіи“ вновь усиливается сотрудничество разныхъ князей и важныхъ чиновниковъ, до покойнаго Лорисъ-Меликова включительно. Вновь подчеркивается не-революціонность либеральнаго органа (№ 46, письмо кн. Г. М. Волконскаго). Почва подготовлена, на сцену выступаетъ программа номеръ третій.

„Резюмирую. Наша, т. е. конституционалистовъ, очередная политика должна заключаться въ дружномъ и, по возможности, демонстративномъ заявленіи тѣхъ основныхъ условій, на которыхъ мы политическую реформу, сдѣлавшуюся необходимой, сможемъ признать реформой, удовлетворяющей общественное мнѣніе. Не разбиваясь на частности, я предложилъ бы сговориться, по крайней мѣрѣ, относительно двухъ основныхъ чертъ :

„Во-первыхъ, только такое народное представительство мы будемъ считать отвѣчающимъ общественнымъ требованіямъ, которое будетъ формально облечено законодательной властью и правомъ разсмотрѣнія бюджета, а не ограничено совѣщательной ролью при предварительной подготовкѣ законопроектвъ.

„Во-вторыхъ, только такое представительство мы признаемъ зароднымъ, которое явится не представительствомъ отъ учреждений, хотя бы и выборныхъ, — а непосредственнымъ представительствомъ самого населенія, путемъ прямыхъ выборовъ.

„Это — только очень небольшая часть выработанной сторонниками „Освобожденія“ программы. При другихъ обстоятельствахъ напоминаніе о ней могло бы казаться совершенно излишнимъ или даже оскорбительнымъ. Но въ виду настроенія, симптомомъ котораго является разобранная нами статья, становится необходимымъ узнать, можемъ ли мы сговориться хотя бы на этомъ“... („Очередныя задачи русскихъ конституционалистовъ“, см. г. сс. въ № 52 „Освоб.“).

Редакція отъ себя прибавляетъ :

„Печатая эту статью, мы считаемъ нужнымъ нарочито отмѣтить полное согласіе редакціи съ основною мыслью автора, выраженной въ заключеніи статьи“.

Итакъ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ уже ни слова: „общественное мнѣніе удовлетворится“

прямымъ избирательнымъ правомъ, которое можетъ соединяться съ какимъ угодно имущественнымъ, образовательнымъ, возрастнымъ цензомъ. Въ устахъ либерала такое неупоминаніе, очевидно, прямо означаетъ, что мысль о „демократизмѣ“, о всеобщемъ избирательномъ правѣ окончательно оставлена: да здравствуетъ избирательный цензъ, какой—это не важно, все равно онъ будетъ достаточенъ, чтобы отрѣзать пролетарскія массы отъ политической жизни и вліянія.

Что „общественное мнѣніе“, дѣйствительно, „удовлетворится“ этимъ, это вѣрно и какъ нельзя болѣе понятно: рѣчь идетъ о *либеральномъ* общественномъ мнѣніи, которое образуется въ гостинныхъ, а туда пролетаріи, какъ извѣстно, не вхожи. Однако, и на него воздѣйствіе возможно: въ видѣ уступки растущей, организованной силѣ пролетаріата, оно могло же устами г. Струве заявить, что считаетъ требованіе демократической конституціи „справедливымъ“ и даже „нравственно-обязательнымъ“. Но это была *уступка силѣ*.

Почтенный либеральный флюгеръ со своей идеалистической высоты (флюгера вообще помѣщаются высоко, высоко надъ землею) видитъ довольно ясно, хотя, разумѣется, только поверхность явленій. Онъ знаетъ, что такое партія, какъ организованная сила,—и этого онъ не находитъ въ современной социальдемократіи. Онъ понимаетъ, что *партіи нѣтъ* тамъ, гдѣ партійныя рѣшенія презрительно третируются вождями, какъ плоды мальчишескаго недомыслия,—гдѣ оффиціальныя руководители партіи открыто заявляютъ, что они не допустятъ контроля партіи надъ собою въ видѣ сѣзда, пока не выдрессируютъ партію въ смыслѣ достаточнаго имъ повиновенія, гдѣ въ оффиціалномъ органѣ ясно проводится та мысль, что партія сама не можетъ судить о томъ, что ей полезно, и потому надо, чтобы „старѣйшіе и лучшіе“ ее учили и учили, не справляясь съ ея волей. А если

партіи слѣва нѣтъ, то чего же лучше: либеральный флюгеръ имѣетъ полное основаніе поворачивать направо, въ сторону своего, буржуазнаго „общественнаго мнѣнія“. И уже конечно, не намъ осуждать его за это: онъ справедливо отвѣтитъ намъ: съумѣйте быть силой, и я сочту „нравственно обязательнымъ“ повернуть къ демократизму.

Въ 53 мѣ № „Освобожденія“ раздается энергичный призывъ къ прямой и формальной организаціи либеральныхъ силъ въ партію. Осторожные буржуа не говорятъ такихъ вещей на вѣтеръ: не даромъ они такъ долго не рѣшались выступить съ этимъ призывомъ, такъ долго нащупывали и подготавливали почву. Очевидно, моментъ организаціи настоящей либеральной партіи недалекъ. Если этотъ моментъ застанетъ нашу партію въ томъ приниженномъ состояніи, въ которомъ она теперь находится, тогда конечно: роль главнаго, руководящаго бойца въ борьбѣ съ самодержавіемъ неизбежно перейдетъ къ новой партіи, а съ этой ролью и всѣ нравственныя и политическія преимущества, которыя могъ получить отъ нея русскій пролетаріатъ. И на всѣхъ насъ, нынѣшнихъ дѣятелей социалъдемократіи, ляжетъ тяжелая отвѣтственность за то, что мы сдѣлали изъ партіи пролетаріата.

Но, можетъ быть, честный флюгеръ заблуждается, наблюдая жизнь нашей партіи съ ея поверхности и съ ея верховъ? Можетъ быть, онъ повернулъ нѣсколько преждевременно; можетъ быть, сила *есть* слѣва, и она съумѣетъ проявить себя теперь, когда это такъ необходимо? Можетъ быть, масса партійныхъ работниковъ, которая такъ горячо отстаивала до сихъ поръ партійную дисциплину, съумѣетъ напомнить объ этой дисциплинѣ своимъ вождямъ, которые ее открыто нарушаютъ, издѣваясь надъ волей създа? Можетъ быть, партія пойметъ, что стадо рабовъ, слѣпо идущихъ за своими партійными господами, слишкомъ ничтожный противникъ для

системы самодержавнаго рабства? Можетъ быть, властный голосъ партіи твердо прозвучитъ среди хаоса вашей политической жизни и призоветъ къ порядку и повиновенію тѣхъ, кто не хочетъ угадать партійной воли?... Дай богъ! А пока — мы будемъ бороться за пробужденіе партійнаго самосознанія партіи пролетаріата, самосознанія, безъ котораго она не можетъ стать дѣйствительной силой.

Рядовой

Семейный споръ

Самодержецъ Плеве слѣдовалъ правилу: подавляй и властвуй! Его наследникъ рѣшилъ руководиться болѣе хитрымъ планомъ: раздѣляй и властвуй! При Плеве рядомъ со смѣлымъ защитникомъ пролетарскихъ интересовъ попадалъ въ ссылку робкій либераль. При Святополкѣ либералы шумно возвращены, а социалисты остались въ непрекрасномъ далека. Либеральная печать развязала языкъ. Уста рабочей печати по прежнему скованы печатью молчанія.

Наука Плеве не пропала даромъ для либераловъ: они требуютъ отъ Святополка гарантій. Даже робкія Русскія Вѣдомости говорятъ: „Необходимо предоставленіе участія въ законодательной работѣ народнымъ представителямъ. Пора наконецъ признать за русскимъ народомъ право законно вліять на свои судьбы.“ (№ 286) Позже газета развиваетъ требованіе свободы печати, собраній, петицій, обществъ и т. под. Теперь уже повидимому трудно подкупить либераловъ подачками въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія: они посягаютъ на большее. Занимая промежуточное положеніе между самодержавіемъ и пролетаріатомъ, они теперь должны рѣшить вопросъ: съ кѣмъ и противъ кого идти въ данный моментъ? Пойти ли временно рядомъ съ пролетаріатомъ, чтобы

побольше отвоевать себѣ у самодержавія? Или же немедленно, едва только Святополкъ пообѣщалъ что то посулить, объявить себя готовыми на подавление пролетарскаго движенія?

Либералы задумались. Кн. Трубецкой съ лакейской поспѣшностью объявилъ себя готовымъ обрушиться на „крайнія“ партіи. За это онъ получилъ репримантъ отъ Струве. Можно ожидать, что въ мягкой либеральной глинѣ образуется трещина, — признакъ отвердѣнія. Начинается домашній споръ.

Чтобы выяснитъ позиціи спорящихъ, обратимся сначала къ Русскимъ Вѣдомостямъ. По поводу городскихъ выборовъ въ Москвѣ газета въ раздумьѣ спрашиваетъ: будутъ ли выбраны „люди инициативы, энергичные работники, чуткіе и вѣрные представители интересовъ всего московскаго населенія?“ Зная, что въ миллионномъ городѣ только 8000 человекъ изъ крупной буржуазіи имеютъ право голоса, газета теоретически допускаетъ возможность выбора чуткихъ и вѣрныхъ представителей интересовъ *всего* населенія столицы. *всего* народа. Мысль, что избранные восьми тысячъ могутъ быть представителями *всего* народа, — одна эта мысль уже показываетъ, что разумѣетъ газета подъ представителями народа.

Результатъ выборовъ до извѣстной степени предрѣшается городовымъ положеніемъ, — продолжаетъ газета. А неблагоприятную сторону городского положенія она видитъ между прочимъ въ „огромномъ численномъ перевѣсѣ избирателей изъ менѣе культурныхъ слоевъ городского населенія“. Что же сказала бы она, если бы къ участию въ городскихъ, а затѣмъ и въ государственныхъ выборахъ была привлечена вся пролетарская и крестьянская „менѣе культурная“ масса?

Подмѣна понятія народа понятіемъ культурныхъ (буржуазныхъ) слоевъ населенія встрѣчается и въ другихъ статьяхъ газеты. Говоря о демонстраціи по поводу смерти Малышева, Русск. Вѣд. справед-

ливо указываютъ, что въ основѣ демонстрацій лежитъ неискоренимая и часто (не всегда?) законная общественная потребность. „Но если и печать, и общество, — образованная часть общества, которая могла бы и у насъ, какъ и вездѣ, быть активной его частью, — постоянно пребываютъ въ молчаніи и апатіи, то всетаки въ странѣ находятся элементы, готовые взять на себя тяготу выраженія общественныхъ нуждъ. потому ли, что имъ слишкомъ хорошо знакома изнанка жизни, потому ли, что они съ жизнью совѣмъ еще не знакомы.“ (№ 293) Кому, какъ не пролетариату, лучше всего знакома изнанка капиталистическаго строя? За одно съ пролетариатомъ иногда идетъ учащаяся молодежь („еще не знакомая съ жизнью“) изъ буржуазной среды. Движеніе пролетариата и учащейся молодежи подчасъ принимаетъ, по словамъ газеты, „уродливыя, нежелательныя формы, сопровождающіяся невознаградимыми утратами и бесполезными жертвами“. Почему? Въ силу ли самодержавнаго или вообще классовою строя государства, которое не останавливается передъ утратами и жертвами пролетариата, чтобы охранить господство капиталистовъ? Нѣтъ, — отвѣчаетъ газета, — жертвы и утраты происходятъ потому, что „общество“ лишено нормальныхъ путей для выраженія своихъ нуждъ. Т. е. дайте *обществу* свободу собраній и проч., — и оно тогда справится съ „уродливыми, нежелательными формами“ пролетарской борьбы. Для устраненія уродливостей общество уже не будетъ останавливаться передъ жертвами и утратами. Но какія же формы пролетарской борьбы не являются уродливыми и нежелательными съ точки зрѣнія буржуазинъ?

Князь Трубецкой откровенно ляннулъ о своей услужливости. Умная и корректная буржуазная газета говоритъ такимъ языкомъ, что, только вчитываясь, раскрываешь подоплеку ея статей. Но Трубецкой и Рус. Вѣд. — одного поля ягода. Не даромъ Русскія Вѣд. сѣтуютъ (№ 286), что администрація,

увлекшись борьбой съ крамолой, слишкомъ расширила самое понятіе крамолы и подвела подъ него даже, — о пагубная педальновидность! — нѣкоторые поступки лояльныхъ либераловъ! Крамола есть крамола, и противъ ея искорененія газета ничего не имѣетъ, только не тронь насъ, некрамольниковъ!

Однако память о Плевѣ свѣжа. Находятся и среди либераловъ люди, которые понимаютъ, что слѣдовать примѣру Трубецкаго преждевременно, что теперь же начать подмѣну представителей народа представителями буржуазіи неразсчитливо. Таковъ авторъ открытаго письма въ № 58 Освобожденія. Онъ недоволенъ флюгерствомъ Струве и требуетъ ясной постановки вопросовъ. Онъ не боится вызвать разногласія въ безформенной либеральной массѣ. Онъ требуетъ, чтобъ въ основаніе программы „либерально-демократической“ партіи былъ положенъ принципъ всеобщаго равнаго избирательнаго права. Онъ откровенно мотивируетъ это требованіе боязнью протеста массъ противъ избирательнаго ценза. „Кто знаетъ, — гаворитъ онъ, — сколько кровавыхъ революцій принесетъ съ собою тотъ политическій строй, въ которомъ народныя массы окажутся и почувствуютъ себя въ положеніи изгоевъ?“

Струве внялъ совѣту автора письма и провозгласилъ задачей настоящаго времени демократическую реформу русскаго государства: выборъ можетъ быть только между самодержавіемъ или демократіей. Почему? Потому что, говоритъ Струве, совѣсть русскої интеллигенціи никогда не примирится съ политическими привилегіями. Вѣроятно, самъ Струве не обладаетъ совѣстью русскаго интеллигента, такъ какъ онъ подозрительно долго уклонялся отъ признанія принципа всеобщаго избирательнаго права. Ввести избирательный цензъ значитъ, по теперешнему мнѣнію Струве, управлять Россіей противъ интеллигенціи, въ постоянной борьбѣ съ нею, т. е. съ огромной растратой національныхъ силъ: малень-

кая конституція неизбѣжно приведетъ къ большой революціи.

Итакъ, Струве соглашается на всеобщее избирательное право только изъ опасенія революціи. Онъ учитываетъ русскія общественныя силы и приходитъ къ заключенію, что ради избѣжанія революціи стоитъ поступиться цензовыми привиллегіями. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе сильными покажутъ себя элементы, грозящіе революціей, тѣмъ легче либералы откажутся отъ ценза. Но читатель, вѣроятно, выразитъ здѣсь изумленіе по поводу непослѣдовательности Струве. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь за всеобщее избирательное право у насъ стоитъ теперь только совѣсть интеллигенціи, а противъ него — вся сила бюрократіи, дворянства, духовенства и буржуазіи. Неужели такъ велика сила совѣсти интеллигенціи?

Находясь въ союзѣ съ буржуазіей и проч., Струве, вѣроятно, справился бы съ совѣстью интеллигенціи такъ же легко, какъ справлялся до сихъ поръ съ своей собственной совѣстью. Но онъ, возразите вы, считается не съ наличнымъ, а съ будущимъ соотношеніемъ силъ; онъ говоритъ: „Въ конституціонной Россіи социальдемократія перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ она является теперь — интеллигентской организаціей, выражающей интересы и формулирующей потребности пролетаріата, а станетъ *пооимной* пролетарской или рабочей партіей. Въ конституціонной Россіи заговорить *отъ себя* и крестьянство.“

Признаюсь, будь я либераломъ, я не убѣдился бы доводами Струве. Еще чѣмъ то и когда то станетъ социальдемократія, а пока не лучше ли ограничиться цензовой конституціей? Это и безопасно, и много для насъ выгоднѣе.

Но какъ социальдемократъ, я пришелъ въ недоумѣніе отъ рѣчей Струве: какъ это онъ можетъ говорить, что социальдемократія — только интеллигентская организація? Быстро окинулъ я взоромъ исторію минувшаго десятилѣтія: десятки тысячъ петербург-

скихъ стачечниковъ. нижегородскіе, ростовскіе, саратовскіе и другіе демонстранты, южныя всеобщія забастовки. многія тысячи рабочихъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, — все это быстро промелькнуло въ моемъ умѣ. Далѣе, огромная социальдемократическая литература, въ короткій срокъ свыше милліона жадно поглощаемыхъ мѣстныхъ листковъ, — неужели все это не убѣдило еще Струве въ существованіи у насъ пролетарской партіи? Наконецъ, регулярный выходъ Искры.... ахъ да! Искра! Я понялъ источникъ заблужденія Струве. И вспомнилъ, что именно Искра, устами Аксельрода, Мартова и Розы Люксембургъ, старательно увѣряла, будто у насъ нѣтъ пролетарской партіи! (См. объ этомъ брошюру „Наши Недоразумѣнія“, стр. 54). Вотъ источникъ освѣдомленности Струве. Удажься! Онъ принялъ серьезно и не подумавши повторяетъ то, что пишется въ полемическихъ статьяхъ вышней Искры! Если бы Струве повнимательнѣе читалъ Искру, то онъ нашель бы тамъ напримѣръ: — „По своему социальному характеру и историческимъ задачамъ россійская соц.-демократія представляетъ собою нѣчто среднее, промежуточное, ни рыба, ни мясо. Она является продуктомъ (!) революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей во имя социализма опору въ народныхъ массахъ, чтобы, объективно говоря, разрѣшить буржуазно-революціонную задачу. Но на этомъ пути она вызвала къ жизни рабочее движеніе.“ (И. № 68 фельетонъ, стр. 3, столбецъ 3, подпись — увы! — Аксельрода).

Аксельродъ увѣряетъ, будто могучее рабочее движеніе вызвано не развитіемъ производительныхъ силъ, а социальдемократіей (ни рыба, ни мясо!), которая является продуктомъ движенія интеллигенціи; т. е. другими словами, по ученію Аксельрода, рабочее движеніе явилось продуктомъ продукта интеллигентскаго движенія. Подумайте, Струве, развѣ марксизмъ Аксельродъ могъ бы говорить все это

серьезно, а не ради одного только оправданія безпринципной позиціи въ партійномъ конфликтѣ?

Впрочемъ, Струве вѣроятно и безъ моихъ указаній понимаетъ, что въ утвержденіяхъ Мартова и Аксельрода не все ладно. Онъ не забылъ историческихъ фактовъ русскаго рабочаго движенія, онъ чувствуетъ, что дѣло вовсе не въ совѣсти интеллигенціи, а въ личности *подлинной* (а не поддѣльной, какъ хотятъ увѣрить Аксельродъ и Ко.) соц.-демократической рабочей партіи; онъ понимаетъ, что эта рабочая партія уже теперь не сдастся безъ боя и не помѣрится на цензовой конституціи. И ссылка Струве на невѣсомую совѣсть интеллигенціи не устраняетъ того факта, что программы либераловъ являются результатомъ взвѣшиванія наличныхъ политическихъ силъ.

При оцѣнкѣ этихъ силъ обнаружилось разногласіе среди либеральной оппозиціи. Возникъ семейный споръ.

— „Если мы не дадимъ политическихъ правъ всему народу, то пролетаріатъ возстанетъ. Не вызывайте ужасовъ кровавой революціи! — говорятъ лѣвые.

— Кѣмъ вы насъ пугаете? Интеллигентской организаціей? Этой кучкой людей ни рыба, ни мясо? — отвѣчаютъ правые.

— Вспомните о громадномъ ростѣ социалдемократіи въ послѣднее десятилѣтіе! — настаиваютъ лѣвые.

— Послушайте, что говорятъ ея вожди Мартовъ и Аксельродъ, — возражаютъ правые.

— Прочтите лучше обвинительный актъ о демонстраціи въ Баку. Посмотрите, какъ высока степень выдержанности и сознательности тысячъ рабочихъ. Пора уже перестать игнорировать массу. Масса растетъ и на глазахъ у всѣхъ складывается въ политическую силу. И не лучше ли для общества, пока еще не поздно, признать народъ, какъ равноправ-

ную величину, и столкнуться, въ чемъ можно? — упорствуютъ лѣвые (Освоб. № 59 стр. 153):

— Но мы должны поддерживать, а не запугивать Святополкъ-Мирскаго, — пытаются правые отстоять свою позицію.

— Поддерживать Святополка можно и должно только рѣшительнымъ предъявленіемъ освободительныхъ, т. е. конституціонныхъ требованій! (Освоб. № 59 стр. 159).

✱ Въ это время слышится вдругъ обращеніе редакціи Искры (Шеханова, Аксельрода, Мартова, Засуличъ, Старовѣра) ко всѣмъ членамъ Рос. Соц.-Дем. Р. Партіи:— Не устрашайте оппозиціи! Такая тактика скомпрометировала бы соц.-демократію, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанію въ рычагъ для реакціи...

Картина!!

Рядовой.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Предпринимая издательство социальдемократической партийной литературы, въ особенности посвященной защитѣ принципиальной позиціи большинства второго партийнаго съѣзда, приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ къ матеріальной и литературной поддержкѣ этого начинанія.

В. Бончъ-Бруевичъ.
Н. Ленинъ.

Поступили въ продажу новыя изданія:

1. Галерка. Долой бонапартизмъ! (Разборъ и критика деклараціи Ц. К.).

Цѣна: 25 cent. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cts.

2. Галерка и Рядовой. Наши недоразумѣнія.

Содержаніе: 1) Галерка. Наши недоразумѣнія. 2) Его-же. Недоразумѣнія разсѣялись! 3) Рядовой. Наконецъ-то! 4) Л. М. Отъ редакціи („Искры“). 5) Рядовой. Отвѣтъ Л. М. 7) Его-же. Къ свѣдѣнію читателей, которые пожелали бы сотрудничать въ „Искрѣ“. 7) Его-же. Роза Люксембургъ противъ Карла Маркса. 8) Его-же. Одинъ изъ выводовъ. 9) Галерка. Органъ безъ партіи и партія безъ органа.

Цѣна: 50 cent. — 40 pf. — 5 d. — 10 cts.

3. Къ Партіи. *Содержаніе:* 1) Къ Партіи. 2) Резолюція Рижскаго Ксмитета. 3) Резолюція Московскаго Комитета. 4) Резолюція Женевской группы большинства. 5) Открытое письмо группы большинства „примиренскому“ собранію, состоявшемуся въ г. Женевѣ 2-го сентября 1904 г. 6) Отъ издателя.

Цѣна: 20 cent. — 15 pf. — 2 d. — 5 cts.

4. Рядовой. О социализмѣ.

Цѣна: 20 cent. — 15 pf. — 2 d. — 5 cts.

5. Шаховъ. Н. Борьба за съѣздъ.

Содержаніе: I. Борьба за второй съѣздъ. — II. Отношеніе комитетовъ къ перемѣнѣ редакціи. — III. Отношеніе комитетовъ къ перемѣнѣ редакціи (*продолженіе*). — IV. Борьба за третій съѣздъ. — V. Борьба за третій съѣздъ (*продолженіе*). — VI. Переходъ части Ц. К. на сторону меньшинства.

Цѣна: 60 cent. — 50 pf. — 5 d. — 10 cts.

6. Галерка. На новый путь.

Содержаніе: 1) На новый путь. — 2) Здоровыя мысли въ гнилой оболочкѣ.

Цѣна: 40 cent. — 35 pf. — 4 d. — 8 cts.

7. Рѣчь Людмилы Громозовой.

Цѣна: 10 cent. — 10 pf. — 1 d. — 2 cts.

8. Услужливый либераль.

Цѣна: 5 cent. — 5 pf. — ½ d. — 1 cts.

9. Ленинъ. Н. Земская кампанія и планъ Искры.

Цѣна: 25 cent. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cts.

10. Рядовой. Либеральныя программы.

Цѣна: 20 cent. — 15 pf. — 2 d. — 5 cts.